

Мир психологии 2014, №1 (77)

Содержание

От редколлегии. Мышление, мысль, смысл в структуре базовых оснований системной целостности—Человек 3

Мышление. Мысль. Смысл.

Мысль. Мышление. Смысл.

Смысл. Мышление. Мысль

I. Мышление и мысль

Шадриков В.Д. Мысль, мышление и сознание. 17

Карпов А. В. Психологические закономерности взаимосвязи процессов мышления и метамышления. 32

Чуприкова Н. И. Мышление как высшая расчлененно_ дифференцированная форма познания в трудах Л.М. Веккера, С. Л. Рубинштейна, И.М. Сеченова, Н. О. Лосского. 45

Маланов С. В. Функциональная организация мышления и генезис установления пространственно_временных и предметно_семантических отношений 53

Погодин И. А. Мышление человека и парадигма полярностей. 67

Забегалина С. В. Особенности прогнозирования при различных парадигмах мышления. 75

Мазлумян В. С. К проблеме развития мышления человека в антропогенезе

(знаки и представления) 85

Микайлова И. Г. Динамика воспроизводства художественного мышления и продуцируемой им творческой ментальной активности 92

II. Смысл

Смысл как явление

Леонтьев Д. А. Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт 104

Пелипенко А. А. Психическое преддверие смысла 117

Анисимов О.С. Смысл и мышление. 129

Семенов И. Н. Философские трактовки смысла как методологические средства его рефлексивно_психологического изучения. 142

Петров И. Г. Смысл, мысли и мышление (двойственность и парадоксальность) 154

Горобец Т. Н., Огнивов В. В., Ковалев В. В. Смысл, знак, символ, фрактал—исследование восприятия методом окулографии 165

Динамика смысловой сферы личности

и функциональная нагрузка смысла в ее развитии

Розин В. М. Смысл текста, смысл жизни человека, смысл современного образования. 177

Ивков Н. Н. Анализ психологических исследований проблемы развития смысловой сферы личности и достижения ею зрелости 188

Волкова Е. В. Метаморфозы личностного смысла в процессе специально организованной деятельности 201

Хван Н. В. Характеристики ценностно_смысловой организации человека как факторы профессионального самоопределения 213

Когда трансформируется смысл

Конькина Е. В. Психолого_педагогические риски современного игрового пространства (на примере куклы MonsterHigh) 219

III. Сознание

Федоркина А. П. Современные направления исследования массового сознания. 230

Березина Т. Н. Надсознательное как образование высшего порядка 240

Научные и научно_практические исследования

В Российской академии образования

Фельдштейн Д. И. Функциональная нагрузка Академии образования

в определении принципов и условий развития растущего человека на исторически новом уровне движения общества	254
Методологические проблемы и методы познания Интегративные и междисциплинарные подходы в исследовании творческого процесса	
<i>Петров В. М., Мажуль Л. А.</i> Исследования креативности: экспансия интегративной тенденции (по материалам осенних научно_практических конференций)	267
Методы организации современного образования	
<i>Дмитриев С. В., Неверкович С. Д., Быстрицкая Е. В., Воронин Д. И.</i> Дидактические подходы к проектно_технологическому моделированию двигательных действий на основе методов синергетики, эвристики, апоретики	274

И. Н. Семенов

Философские трактовки смысла как методологические средства его рефлексивно-психологического изучения¹

В статье анализируются основные направления зарубежной философии в связи с изучением в них смысла и рефлексии. При этом философские трактовки смысла эксплицируются в учебном труде по истории философии и интерпретируются как методологические средства его рефлексивно-психологического изучения. Впервые рассматривается логика развития философских трактовок смысла — от аналитической семантики и неокантианства через герменевтику, феноменологию, философию жизни и культуры к экзистенциализму и персонализму. В связи с этим кратко обозначено воздействие новейшей зарубежной философской мысли XIX—XX вв. на анализ смысла в русской философии XX в. и на его изучение во взаимосвязи с рефлексией в современной отечественной психологии, в том числе в контексте психологического обеспечения гуманизации образования.

Ключевые слова: смысл, рефлексия, сознание, мышление, творчество, экзистенциализм, герменевтика, феноменология, персонализм, психология личности, методология.

Введение

Проблема *смысла* и *рефлексии* анализируется в различных зарубежных философских направлениях — от философии жизни и феноменологии через аксиологию, герменевтику, фрейдизм, персонализм к реализму и позитивизму. Хотя в большинстве из них синонимом смысла считается значение, все же попытаемся акцентировать в нашем кратком социокультурном и историко-методологическом анализе собственно логику развития именно философии смысла (поскольку его изучение в зарубежной психологии уже обобщено Д. А. Леонтьевым [10]) и его связи с рефлексией (обзор ее зарубежных исследований см.: [8; 26; 27; 28; 29]). Условным отправным пунктом путешествия по трактовкам смысла в новейшей философии [5; 7; 13; 15; 18; 19; 20; 22; 30; 33; 35; 36 и др.] может послужить онтологический постулат о «бессмысленности» и анализ его социокультурных предпосылок, фиксирующих обстоятельства «бесмыслицы» (Е. Н. Трубецкой), которые возникают в кризисные ситуации жизни человека на современной стадии развития цивилизации, ибо он вынужден «идти через лес и выбирать путь» (Э. Юнгер). Эта проблема смысла (ср. с понятием «ничто» в экзистенциализме М. Хайдеггера [35] и Ж.-П. Сартра [22]) будет затем заполняться путем экспликации трактовок смысла — значения — по мере их анализа нами — в различных концепциях и направлениях зарубежной философии смысла в целях выяснения их влияния на отечественную рефлексивно-смысловую психологию.

1. Позитивистские подходы к анализу смысла. Из этих философских направлений лишь три — семантика, аксиология и герменевтика — напрямую связаны с анализом смысла, хотя наиболее проработана эта проблема, пожалуй, в феноменологии и философии жизни. Ибо философию жизни (как экзистенциализм и персонализм) интересует жизнь личности в мире и культуре, а феноменология в трактовке бытия человека исходит из анализа сознания, базовые феномены которого суть смыслы (языковые значения), дискурсивно проявляющиеся в осознаваемых речевых актах или в бессознательных переживаниях.

Традиционно смыслы изучаются в семантике как позитивистском направлении аналитической философии, использующей строгие логические и лингвистические методы формального (в том числе математического) ана

Исследование осуществлено в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013—2014 гг., проект №12_01_0120.

лиза речевых актов, оперирующих языковыми значениями. В языкознании, формальной и математической логике разработаны строгие методы и концепции трактовки смысла как языкового значения, восходящие к лингвисту Ф. де Соссюру и логику Г. Фреге и проработанные в XX в. методологически средствами системного анализа в связи с развитием математики, кибернетики, информатики и интернет-ресурсов. Контекстом для таких смыслов значений обычно служат лишь речевые акты: суждения, предложения, высказывания. Поэтому в силу узости презентуемого континуума данное формально-аналитическое направление представляет минимальный интерес для экзистенциально-гуманистической психологии рефлексии и смысла бытия личности, хотя и является конструктивным для общепсихологических и особенно психолингвистических исследований сознания, мышления и речи (Л. С. Выготский, А. А. Леонтьев, Л. П. Добраев и др.). Так, А. Р. Лурия и М. О. Кнебель развили возможности этих средств для характеристики смысла актерской речи, а В. Ф. Петренко с О. В. Митиной — строения сознания человека в кризисной социополитической ситуации. Соотношение значения смысла оказало влияние на разработку нами [24] системно-психологического метода содержательно-смыслового анализа продуктивного мышления средствами нормативно-деятельностной методологии в целях структурно-функционального изучения рефлексивно-смысловой регуляции дискурсивного решения творческих задач [26 и др.]. Эти исследования составили экспериментальную основу научной школы рефлексивно-гуманитарной психологии творчества [1; 6; 17; 24; 26; 29], базирующейся на философско-смысловой онтологии [27].

2. Проблема смысла в философии культуры, неокантианстве и герменевтике.

В отличие от ориентирующейся на естествознание и математику позитивистской семантики, **гуманитарная аксиология** как учение о ценностях восходит к противопоставлению И. Кантом сферы нравственности (свободы) и сферы природы (необходимости). Он трактовал ценности как требования, обращенные к воле, или цели, поставленные перед ней.

Отталкиваясь от И. Канта, первую концепцию ценностей в XIX в. предложил философ и психолог Р. Г. Лотце (1817—1881), обосновавший истинность познания с помощью понятия «объективная значимость» логических и математических истин. Его ученик из Баденской школы неокантианства (где акцентировался психологизм в гносеологии) В. Виндельбанд (1848—1915) в начале XX в. трактовал ценности как нормы культуры, как идеал, носителем которого является трансцендентальный субъект, т. е. «сознание вообще» как источник и основа всех норм. Неокантианец из Марбургской школы неокантианства (где акцентировался логизм) Г. Риккерт (1863—1936) понимал ценности как основу истинного знания и нравственного действия, различая субъективную сторону акта суждения (психическое бытие) и его субъективное содержание (надбытийное значение, смысл). В отличие от этого его старший современник философ и психолог В. Вундт (1832—1920) считал, что ценности связаны с чувством, а по сему они субъективны и, более того, исторически относительны. Философ Ф. Brentano (1838—1917), разрабатывая принцип интенциональности (смысловой направленности) сознания, стремился объективировать ценности, видя их источник в эмоциональных актах предпочтения любви и ненависти. С учетом всего этого М. Шелер (1874—1928) выстроил целую «материальную этику ценностей», в контексте которой изучаются смыслы.

Отметим, что нормативно-этическая трактовка ценностей в современной философской аксиологии служит основанием для социально-психологических исследований сознания личности, пласты которого (в том числе ценностной и смысловой) в кризисные периоды имеют свою специфику. В отечественной гуманитаристике она изучается с позиций субъектного подхода в научных школах общей психологии К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинского (М. И. Воловикова, В. В. Знаков и др.), а в социальной психологии — Н. М. Лебедевой (А. Н. Татарко и др.).

Итак, **аксиология** (как и этика, гносеология, логика) служит философской базой анализа смысла. Сначала в аксиологии XIX в. смысл трактуется в контексте истинности познания как пребывающее в сознании значение, хотя и обусловленное волей и эмоциональными актами, но презентующее нормы, ко-

торые исторически относительны, этически объективированы как нравственные побудители и могут быть логически исчислены (что возвращает нас к семантике) и культурно проинтерпретированы, что ведет к герменевтике и культурологии. Затем в XX в. аксиология развивается во взаимодействии с другими философскими направлениями, среди которых смыслом интересуются: философия жизни, персонализм, экзистенциализм, феноменология герменевтика. В анализе смысла альтернативу формальной семантике составляет в XX в. содержательная *герменевтика* как восходящее [32] к историко-филологическому подходу XIX в. (В. Дильтей, Ф. Шлейермахер) философское учение о понимании, толковании текстов и литературных памятников. В герменевтике XX в. с учетом феноменологии Э. Гуссерля (1859—1938) сознание предстает как поле значений или смыслов, что открывает возможность их содержательно-смысловой интерпретации. Поскольку для истолкования собственных содержаний сознание нуждается в обращении на самого себя, то смыслы трактуются как корреляты его интенциональности (направленности). Тем самым *интерпретация оказывается вторичной по отношению к рефлексии*. Таким образом, *проблема связи смысла с рефлексией* восходит к *герменевтической трактовке феноменологии Э. Гуссерлем* (что рассмотрим ниже). Согласно его ученику М. Хайдеггеру (1889—1976) [35], феноменология должна превратиться из изучения смысла порождения как конституирования сознанием значений или смыслов в исследование онтологического вопроса о смысле бытия. Отсюда *герменевтика становится феноменологией человеческого бытия, изучающей его «экзистенциалы»* (подлинность и понимание, реализующиеся через истолкование, интерпретацию) *и их бытие во времени*. Одним из следствий этого становится принцип ограничения рефлексии принципом интерпретации, а также онтологизация герменевтики, предпринятая в середине XX в. учеником Хайдеггера — Х. Г. Гадамером. Он обосновал важные положения принципиальной *открытости интерпретации* и о *неотделимости* понимания текста от *самопонимания интерпретатора*. Отметим, что тем самым в герменевтике заходит речь о смысловой саморефлексии личности. Отсюда понятно, что позднее герменевтик Ю. Хабермас обосновывает эффективность рефлексии в понимании, связывая с этим рационально-критический аспект герменевтического познания, а М. Полани трактует рефлекссию как один из видов «личностного знания», связанного со смыслами. Крупнейший современный герменевтик П. Рикер [18] определил, что условия возможности познания могут быть эксплицированы на трех уровнях: семантическом (исследование значений как знаково-символических образований), рефлексивном, экзистенциальном. Поскольку понимание многозначных высказываний есть и момент самопонимания, оно нуждается в проработке и на рефлексивном уровне. Причем за обнаруживаемым конфликтом интерпретаций стоит различие способов экзистенции, ибо задолго до своего самополагания в акте рефлексии субъект уже является экзистенцирующим. Рикер подчеркивает необходимость превращения абстрактной рефлексии в конкретную, считая важным взаимодействие герменевтики с рефлексией. Одной из задач философской герменевтики по Рикеру является воссоздание смысла текста путем его понимания интерпретации различными методами «герменевтических систем» (в том числе средствами дешифровки, разоблачений и т. д.), что позволяет декодировать и структурировать понимаемый в результате интерпретации смысл. Немецкий последователь герменевтики В. Флитнер использовал ее положения применительно к педагогической проблематике, стремясь обеспечить педагогу понимание ситуации бытия учащегося на основе разработки экзистенциального измерения образовательной действительности. В целях выяснения смысло-жизненных горизонтов деятельности образования необходима опора на самокритичную, понимающую учащихся себя герменевтическую педагогику, а также на этику ответственности для обеспечения воспитания свободного, открытого себе и другим ученика. Такой смысловой подход созвучен гуманизации современного образования [31; 35 и др.]. Реализация этих герменевтических положений и методов анализа текста и его понимания ведет отчасти к структурализму, но также — под влиянием психоанализа — и к философской персонологии. Отметим, что психологическая реальность герменевтического, структуралистического и рефлексивного аспектов понимания исследуется в отечественной психологии с раз-

ных позиций (Н. Г. Алексеев, Л. Н. Алексеева, Г. И. Богин, В. В. Знаков, Н. Б. Ковалева, В. А. Костеловский, И. Н. Семенов, Е. Б. Старовойтенко и др.). Если большинство из них исходят из нормативно-деятельностного подхода Московского методологического кружка (В. М. Розин, Г. П. Щедровицкий и др.), то в работах последних трех авторов прослеживается также влияние герменевтики, феноменологии, философии жизни и культуры.

Философия жизни как оппозиция к классическому рационализму (от Декарта и Лейбница до Канта и Гегеля) восходит в XIX в. к немецкому романтизму (Ф. Гельдерлин, И. Гете, Ф. Новалис, Ф. Шиллер) и волюнтаризму А. Шопенгауэра (1788—1860) и Ф. Ницше (1844—1900). Это направление понимало жизнь как первичную реальность, целостный органический процесс, предшествующий разделению материи и духа, бытия и сознания.

В начале XX в. философ и психолог А. Бергсон (1859—1941) [2] в труде «Творческая эволюция» (1907) трактует жизнь как «космический порыв», сутью которого является *сознание или сверхсознание*. Жизнь постигается по аналогии с сознательными процессами и внутренними смысловыми переживаниями. В целом жизнь представляет собой целостный процесс непрерывного творческого становления, которое наиболее ярко проявляется в культуре, искусстве и философии. (Отметим, что недаром русский философ Серебряного века Н. А. Бердяев назвал свои трактаты «Смысл творчества» и «Смысл истории» [3; 4].)

Философ и психолог В. Дильтей (1833—1911) [7] также трактует жизнь как поток переживаний, но они культурно обусловлены. *Философии жизни присущ антисциентизм*, ибо рациональному научному познанию противопоставляются внеинтеллектуальные интуитивные, смысловые и образно-символические способы постижения иррациональной в своей основе жизненной реальности, наиболее адекватно и всеобъемлюще представленной в произведениях искусства, литературы, поэзии и в мифах. В альтернативу наукам о природе Дильтей разработывает систему наук о духе, центром которых является психология. Выстраивая методологию гуманитарного познания, базирующегося на понимании, он противопоставляет естественно-научной «объяснительной» психологии историко-гуманитарную «понимающую» психологию, постигающую «душевленную связь» с помощью переживаний и вчувствования. Так, по Дильтею [7] историк или психолог стремится понять суть исторических событий путем их непосредственного переживания и смыслового вчувствования в сознание их участников (что блестяще показано Б. М. Тепловым в знаменитом труде «Ум полководца» [33]).

Ученик Дильтея Г. Ноль реализовал идеи понимающей психологии в тандеме с философией жизни и герменевтикой применительно к педагогике. По Ноллю внутренняя жизнь человека доступна для понимания (соответствующими методами) и он способен выходить за свои пределы. В процессе подобного «самопревращения» человек обнажает себя как *повседневное*, так и в истории его жизни. Повседневность является главной стороной бытия человека, в которой сходит вся жизнь. Игнорирование повседневности отчуждает человека от самого себя, от других людей, от истории, от будущего. Важно, что в повседневности рождаются смыслы, цели, окрашивающие человеческое бытие в личностные цвета, ибо именно в ней творится судьба. По Ноллю учащийся, рефлексирующий над тем, что открывает ему повседневность, обретает способность становиться хозяином своей жизни и стать человеком, строящим собственную судьбу и имеющим свою историю. Поэтому педагогика должна быть нацелена на то, чтобы обучение и воспитание стали активным смысловым диалогом учащихся, укорененных в повседневности, а также диалогом личности с самой собой, с учителем во избежание отчуждения от собственной самости. (Отметим, что с этими положениями перекликаются идеи М. Бубера о роли диалога в развитии личности и В. С. Библера о диалоге культур, что изучается также психологами [1; 6; 8; 10; 14; 25 и др.]).

Метод вчувствующего понимания был использован современником Дильтея немецким философом и культурологом О. Шпенглером (1880—1936) в известном трактате «Закат Европы» (1917) для реконструкции *смыслообразующих начал*, символизирующих духовные прототипы основных типов мировой культуры (которые до него в XIX в. изучал Н. Я. Данилевский). Отсюда задача научного знания, как и других форм культуры, Шпенглер видел в символизации как в *смысловой организации действительности*, что ведет к самосознанию науки посредством учета социокультурного контекста жизнедеятельности ее творцов.

Методология изучения символических форм культуры была разработана неокантианцем Марбургской школы Э. Кассирером (1874—1945). Он считал, что поскольку предмет конституируется формой сознания, то познание имеет дело не с вещью, а с *отношением*, т. е. не с *данным*, а с *заданным*. Исходя из этого Кассирер исследовал мифологическое мышление, произведения философии, искусства, культуры, предвосхитив некоторые, в том числе смысловые, аспекты «Философии имени» А. Ф. Лосева (1929) [12], культурно-исторической психологии (В. Вундт, Л. С. Выготский, А. Р. Лурия) и психологии отношений (К. А. Абульханова, В. Н. Мясищев, Е. Б. Старовойтенко). Развивая в Баденской школе неокантианства методологическое различие В. Виндельбанда между *нормативным* (для естествознания) и идеографическим (для гуманитаристики) методов познания, Г. Риккерт [19] в труде «Философия жизни» (1920) исследовал социокультурную

обусловленность жизни разработанными им концептуально_методологическими средствами изучения гуманитарного знания. При этом *культура трактуется им как особая сфера опыта*, где отдельные явления соотношены с ценностями, которые проявляют себя в мире как объективные смыслы. Они, в отличие от ценностей, связаны с реальным психическим актом — суждением, но не совпадают с ним. По Риккертю лишь оценка, в которой смысл проявляется, представляет собой реальный психический акт. Однако сам по себе смысл выходит за пределы психического бытия, указывая на ценность его моментов. *Выступая посредником между бытием и ценностями, смысл составляет своеобразное «царство смыслов».*

Таким образом, **в философии культуры под влиянием неокантианства впервые намечается выделение смыслов** (в их культурной обусловленности ценностями) **в качестве предмета специального изучения, методологическими средствами которого выступают не только вчувствование и понимание, но и категории: длительность, порыв, становление, отношение, формотворчество, символизация, предметность** и т. п. Влияние методологических конструктов философии жизни прослеживается в отечественной психологии в концепциях: человека и мира (К. А. Абульханова и С. Л. Рубинштейн), отношений и рефлексии (В. Н. Мясищев и Е. Б. Старовойтенко), культурно_исторической теории (Л. С. Выготский и А. Р. Лурия), предметности психики (П. Я. Гальперин и А. Н. Леонтьев), значащих переживаний и смысла (Ф. В. Бассин и Ф. Е. Василюк), мотивационно_смысловой сферы (Б. В. Зейгарник и Д. А. Леонтьев), смысла жизни (М. М. Рубинштейн и В. Э. Чудновский), экзистенциальной рефлексии личности (В. Г. Аникина и И. Н. Семенов), общей персонологии (В. А. Петровский и Е. Б. Старовойтенко [14]) и др.

3. Проблема смысла в феноменологии. Плодотворность влияния философии жизни на разработку методологических средств гуманитарного познания (в том числе психологии смысла и рефлексии) определялась ее дискуссионным взаимодействием не только с неокантианством и герменевтикой, но также с такими направлениями, как феноменология и позднее экзистенциализм и персонализм, где так важна проблематика изучения смысла и рефлексии. *Феноменология* восходит к философии Р. Декарта и Ф. Brentano, а также к психологии И. Ф. Гербарта и К. Штумпфа. Правда, создатель феноменологии Э. Гуссерль в труде «Логические исследования» (1901), стремясь к преодолению психологизма, постулировал в качестве исходного пункта феноменологии принятие основополагающей предпосылки — возможности описания *спонтанно-смысловой жизни сознания*, которое не имеет не только предметно_вещного, но и психологического статуса. Для этого описания Гуссерль строит методологию новой «Философии как строгой науки» (1911) о сознании, требующей *направлять рефлексию на смыслообразующий поток сознания и выявлять смысловую данность переживания внутри конкретного потока-горизонта смыслов (значений)*. Их самоочевидность служит условием идентификации смысла в интенциональном потоке феноменов, данных сознанию. Предложенный Гуссерлем [5] метод «феноменологической редукции» обещивает *выдвижение на первый план смысловой связи сознания и мира и просмотр сквозь нее всех многообразных отношений человека и мира*. Обоснованный Гуссерлем методологический лозунг «Назад, к самим предметам!» требует удерживать внимание на смысловой направленности сознания к предметам, в которой предметы раскрывают свой смысл без отсылки к природным или рукотворным связям с другими предметами. В реальности сознания рефлексия — это не наблюдение за ним со стороны, но «оживление» сознания, *превращение смыслообразующего потока из возможности в действительность*. При этом смысловая связь реализуется в потоке феноменов, которые не содержат в себе различия между бытием и явлением. Тем самым психическое и есть бытие, ибо предмет (вещь) является, однако смысл (значение)

предмета не является, но переживается. *Постижение смысловых связей* есть по Гуссерлю «*созерцание сущностей*», где каждая сфера анализа сознания— это изучение смысловых оттенков восприятия, памяти, сомнения, актов воли и т. п., что по своей обширности сравнимо с естествознанием, причем это имеет значение не только для психологии индивида, но и для изучения интерсубъективности путем описания словий возможности смысловых связей как духовных сущностей монад. При этом феноменологической предпосылкой интерсубъективности выступает мир феномен, жизненный мир, мир жизни. Гуссерль [5] связывает кризис науки с забвением естествознанием смыслового фундамента жизненного мира как смыслового фундамента науки.

Таким образом, у позднего Гуссерля феноменология откликается на философию жизни, в том числе на трактовки в ней проблематики не только смысла и рефлексии, но также жизненного мира. Это взаимодействие, расширяя феноменологическую онтологию конкретизацией субъектов жизненного мира (как обычного человека, так и ученого, философа), имеет и методологическое значение. Ибо именно в жизненном мире субъективность ученого обретает опыт смыслоотнесения к миру. При этом в рефлексии этот опыт дает возможность устранять невыявленные, т. е. не соотношенные с определенным способом смыслополагания, предпосылки познания. Итак, если герменевтика поставила проблему смысла, а философия жизни выделила его как предмет научно-философского анализа, то в феноменологии Гуссерля смысл стал предметом специального изучения как грани сознания в контексте жизненного мира, что было продолжено его последователями (М. Мерло-Понти, М. Хайдеггер, М. Шелер, Г. Г. Шпет и др.). Параллельно с феноменологией Э. Гуссерля положения об интенциональности сознания и о роли его смысловых моментов разрабатывались в начале XX в. в Вюрцбургской школе психологии мышления с позиций неореализма ее основателя философа и психолога О. Кюльпе (см. об этом: [23]).

Крупнейший немецкий феноменолог середины XX в. М. Хайдеггер [35] связывает специфику феноменологии с истолкованием в бытии и времени фундаментальных структур человеческого существования (что перекликается с экзистенциализмом) как возможности, укорененной в самом сознании и человеческом бытии. Сознание обнаруживает себя как направленность на предмет (это и есть значение)—как бытие осознанности, но не как осознанная предметность. С учетом этого Хайдеггер [35] проводит различие непредметного и предметного как бытия и сущего, языка как «дома бытия» и языка как средства общения, художественного творения и эстетического переживания. Отметим, среди десятков оригинальных томов Хайдеггеру принадлежит специальный труд «Наука и осмысление», разработанный в контексте самосознания науки, что наряду с «Наукоучением» И. Фихте явилось одним из философских источников современного науковедения и повлияло на методологию гуманитаристики, в том числе рефлексивной психологии смысла, где рефлексия трактуется как переосмысление содержания сознания [23; 29].

Ведущий французский феноменолог М. Мерло-Понти (1908—1961) видит источник смысла в человеческом одушевленном теле и поле восприятия, т. е. между сознанием и миром. Изначальный дорефлексивный способ связи человека с миром осуществляется в восприятии и является одновременно как подлинным самовыражением человеческой субъективности, так и конституированием культурного мира смыслов. В теории феноменального тела Мерло-Понти предложил выделить пласт сознания, который ускользал от предшествующей философии. Это — сфера интенционально действующей субъективности, представляющей собой совокупность уникальных образований, неразложимых целостностей, чувственно-смысловых ядер, которые не вызываются и не отменяются рациональным познанием, но спонтанно и самопроизвольно распространяют собственные действия. Будучи непрерывным трансцендированием (т. е. движением выражения и смыслополагания), феноменальное тело является способом обладания миром, оно одухотворяет мир, питает его изнутри. Благодаря постоянному диалогу этого тела с миром мы воспринимаем и постигаем вещи, природу и поведение другого человека как культурные объекты. При этом открывается уникальная чувственно-смысловая целостность субъективности, благодаря которой человек вбирает и продуцирует все многообразие полисмысленных отношений. Будучи открытым, динамичным, процессуальным, именно бытие является источником смыслов, самой возможности соизмеряемости и значительности каждой вещи и

существующего индивида, поскольку они есть результат раскрытия бытия, порождены, обогащены и соизмеримы с ним. С этих позиций Мерло-Понти разработал концепцию феноменологии восприятия [13], имеющую не только общепсихологическое, но и философское (в том числе онтологическое и методологическое) значение.

В целом феноменология оказала фундаментальное воздействие на мировую философскую (экзистенциализм, персонализм, культурализм) и психологическую мысль (неофрейдизм, гуманистика, психотерапия и др.), а также на ряд отечественных концепций сознания, смысла, рефлексии, жизненного мира, образа мира, символов и знаков культуры (А. Г. Асмолов, Ф. В. Бассин, М. М. Бахтин, Б. С. Братусь, Ф. Е. Василюк, Л. С. Выготский, В. П. Зинченко, А. Н. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, А. Ф. Лосев, М. К. Мамардашвили, М. М. Рубинштейн, С. Л. Рубинштейн, И. Н. Семенов, Е. Б. Старовойтенко, В. Э. Чудновский, В. Д. Шадриков, Г. Г. Шпет и др.); в зарубежной гуманитаристике особенно сильно чувствуется влияние классической феноменологии на философию экзистенциализма и персонализма.

4. Проблема смысла в экзистенциализме и персонализме. Экзистенциализм как учение об уникальности человеческого бытия, невыразимого посредством научных понятий, восходит к противопоставлению в середине XIX в. рационализма универсальной панлогической системе Г. Гегеля (1770—1831), идеям датского философа С. Кьеркегора (1843—1855) об «экзистенции» (существовании). Поскольку экзистенция ускользает от понимания с помощью абстракций, то неприменим научный метод в самопознании человека. Ибо экзистенция есть нечто внутреннее, которое постоянно переходит во внешнее предметное бытие. Однако реальное предметное бытие выражает собой лишь «неподлинное существование» человека. Поэтому обретение им экзистенции в поисках своей подлинности предполагает решающий выбор, посредством которого человек переходит от созерцательно-чувственного способа бытия (детерминированного внешними факторами среды) к «самому себе» как единственному и неповторимому как смыслу своего существования.

Согласно Кьеркегору, движение к подлинному существованию или к экзистенции совершается на трех стадиях: эстетической, этической, религиозной. Первая из них детерминируется внешним, и в ней имеет место ориентация на наслаждение. При этом влечение заранее задано непосредственно-чувственной стихией человеческой жизни (заметим, что эти идеи в XX в. были развиты З. Фрейдом, а родоначальник немецкого экзистенциализма К. Ясперс — до его философской разработки — был психиатром и патопсихологом). Принцип второй стадии — этической — является долг. Это уже является моральным, хотя пока и рассудочным самоопределением субъекта. На третьей — религиозной — стадии человек парадоксальным усилием воли отказывается от прежних привычек и принимает всем своим существом страдание как принцип и смысл существования, тем самым приобщается к доле распятого Христа. Отсюда религиозный экзистенциализм зовет человека к Богу, к смысловому самоуглублению, позволяющему обрести новое «трансцендентное» измерение бытия. Рефлексивный смысл этого самоуглубления в том, что оно ведет к расширению границ «Я», ибо разрывается его эгоистическая замкнутость и открываются всевозможные горизонты смысловой коммуникации человека со своей эпохой и вечностью через веру в Бога.

Если акцент на страдание как на «пограничный» контекст и смысл трагического бытия человека повлиял на развитие французского «атеистического» экзистенциализма (А. Камю, Г. Марсель, Ж.-П. Сартр), то понимание теологического предела существования оказало воздействие на становление немецкого «религиозного» экзистенциализма (П. Тиллих, М. Хайдеггер, К. Ясперс) и в эмиграции — на развитие духовно-русского (Н. Бердяев,

С. Франк, Л. Шестов). В целом пессимизм С. Кьеркегора стал востребованным именно в 1920—1940-е гг. — для социокультурной рефлексии того драматизма смысла бытия человека в кризисном мире, в котором оказалась европейская цивилизация между мировыми войнами. На становление экзистенциализма повлияли идеи ряда философских подходов (философия жизни, антропология, персонология и особенно феноменология), которые выступили для него концептуально-методологическими средствами, причем несмотря на его изначальную непознавательную установку. Ибо традиционный для экзистенциализма онтологизм (как ориентация на бытие человека, а не на этико-гносеологическое познание того, что он есть) все же использует для характеристики человеческого бытия представления, возникшие в других философских направлениях.

Это хорошо прослеживается в трудах основателя экзистенциализма и его лидера в Германии, философа, психолога и психиатра К. Ясперса (1883—1969). Исходя из религиозной установки, он считает, что Божественное реально существует лишь в актах веры, полагая, что с его появлением возникает возможность достичь смысла «подлинного существования». Вне этого стремления к трансцендентности происходят деградация, обезличивание человеческой реальности и ее растворение в тенетах повседневности. Использование феноменологического метода позволяет дать экзистенциальное описание ситуаций духовного кризиса, в которых у обезличенного существа проявляется острое ощущение неправильности, бессмысленности, недостойности своего бытия.

Этим же по М. Хайдеггеру характеризуется «интенциональное бытие» человека как «бытие в мире». Тем самым феноменологический метод становится концептуальным средством построения экзистенциализмом систематической онтологии человеческого существования путем определения экзистенции в структуре сущего. Таким образом осуществляется конкретизация онтологической природы человеческой реальности в соответствии с остальными началами мироздания. При этом экзистенция оказывается промежуточным звеном, соединяющим потустороннее трансцендентное бытие с миром как ареной повседневного обезличенного неподлинного существования. Оно по Ж.-П. Сартру (1905—1980) стремится к «позитивности» как безграничному самоутверждению за чужой счет. Подлинное же существование (в противоположность безумной жажде власти) есть признание неотчуждаемой свободы «Другого» наряду с моей собственной. При этом подчеркивается смысловое значение выбора и инициативы субъекта для достижения подлинного существования как главного смысла жизни.

Однако самое побуждение к подлинному существованию связано с экзистенциальным преодолением таких пограничных состояний, как «скука» (Камю), «тревога» и «тошнота» (Сартр), «страх» (Хайдеггер, Ясперс). Их экзистенциально-онтологический смысл в том, что страдающему человеку вдруг открывается неведомая ранее зияющая бездна бытия заведенного порядка вещей. Это смысловое самоуглубление как трансцендирование и есть подлинное существование. *Подобное самоуглубление посредством рефлексии означает вместе с тем и расширение границ индивидуального Я человека, поскольку разрывается его эгоистическая замкнутость и открываются новые горизонты коммуникации со своей эпохой и вечностью, в том числе понимаемой в религиозном смысле.*

Согласно экзистенциализму К. Ясперса [36], в отличие от основанной на откровении религиозной веры, философская является продуктом размышления. Подчеркнем, что учение Ясперса о размышлении представляет собой не что иное, как экзистенциалистскую концепцию рефлексии, поскольку философствование присуще каждому человеку, давая смысловые ориентиры его пове-

деняв мире. Ибо философия способна «осветить» экзистенцию и приблизить человека к трансценденции, совершить «скачок к безусловному бытию». Для его достижения необходимо пройти три этапа трансцендирования: 1) ориентацию в мире (осознание ограниченности только предметного его истолкования); 2) прояснение (озарение) экзистенции (осознание души); 3) чтение шифров трансценденции как связанную с пониманием Бога задачу философствующего человека. Для решения этой экзистенциальной задачи важны не формально-рассудочные, а метафизические понятия, поскольку они отражают поиски человеческой мыслью смысла бытия. Свойственное каждому человеку философствование направлено на установление истинной коммуникации, т. е. на то, чтобы иметь возможность высказаться и быть услышанным. *Коммуникация позволяет установить смысл философствования как такового, ибо способность к ней* отличает человека от всего остального сущего и она лежит в основе экзистенциального отношения между У и Ты, ведь благодаря ей человек может обрести свою «самость» и осмысленность.

Экзистенциалистское раскрытие в бытии сознания, смысла, рефлексии явилось одним из основных лейтмотивов философии Ж.-П. Сартра. Он исходил из поиска сферы «собственно сознания» как трансцендентальной сферы свободы, условия и «абсолютного источника» экзистенции. При этом воображение выступает способом отрыва от мира и полагания несущего. В результате подобного «очищения» сознания от «психического» (т. е. от рефлексивной конструкции) ее качествами, состояниями, смыслами, актами) такое «пустое» сознание описывается как экзистенциальная прозрачность для самого себя, что служит онтологическим основанием субъективности. Ее Сартр отождествляет с «сознанием сознания» (вспомним противоположное этому рефлексивно-рационалистское «мышление о мышлении» Аристотеля. — И. С.) как безусловного источника самодействующего источника всех значений опыта. Трагедия сознания как свободы и выбора вместе с идеей «случайности бытия» стала основой разработанной Сартром [22] экзистенциально-феноменологической онтологии смыслов, дифференцирующей сферы бытия по принципу наличию или отсутствия способности к самопринципности. При этом человек, не выбирая свою эпоху, выбирает себя в ней (этой экзистенциальной смысловой максимой созвучен знаменитый афоризм нашего поэта А. Кушнера: «Времена не выбирают — в них живут и умирают»).

По Сартру [22] человек должен постоянно «изобретать» себя сам, строя свободными выборами свой способ бытия вплоть до мельчайших деталей, при этом самим проектом своего бытия решая вопрос об их смысле для него и делая его значение структурой своих переживаний и действий. Прошлое, как и всякие факты, постоянно интерпретируется актуальным сознанием. Данное раскрывается только внутри ситуации, т. е. в свете цели, смысла, ибо и авторство человека имплицитно связано с ситуацией его бытия. Сознательный характер авторства человека обусловлен такой онтологической структурой сознания, как «присутствие с собой», придающей ему деструктивную силу «свидетельства своего бытия». При этом сознание становится «мерой бытия психического», дорефлексивным *сogito* как неперемным спутником всех состояний и действий человека, обеспечивающим сознательное единство личности, *определяемое рефлексивным принятием на себя проекта своего бытия*. Важно отметить, что Ж.-П. Сартр подчеркивал значение *смыслового выбора и роль индивидуальности человека, его сознания, активности, рефлексии и авторства в жизни*.

Одним словом, экзистенциализм, стремясь выйти из классического рационализма и гносеологизма, очертил проблемное поле реально-смыслового существования человека и феноменологию его сознания как в дорефлексивной, так и в собственно рефлексивной сфере. Философия экзистенциализма оказала существенное влияние на изучение личности и сознания, рефлексии и смысла, субъектности и деятельности в отечественной философии (П. П. Гайденко, М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьев и др.) и психологии (К. А. Абульханова, А. Г. Асмолов, В. П. Зинченко, Д. А. Леонтьев, А. Б. Орлов, В. А. Петровский, И. Н. Семенов, Е. Б. Старовойтенко, В. Э. Чудновский и др.).

Коммуникативная трактовка К. Ясперсом экзистенции послужила концептуально-методологическим средством разработки концепций диалогического строения сознания и смысла (М. М. Бахтин, М. Бубер) и диалога культур (В. С. Библер, Ю. М. Лотман), а также построения техник психотерапии (А. Лэнгле, К. Роджерс), диалогической и полилогической рефлексии (Г. И. Давыдова, И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов и др. [6 и др.]). Охарактеризованное К. Ясперсом экзистенциально-философское размышление является не чем иным, как экзистенциально-смысловой рефлексией, изучаемой в отечественной психологии в основном сотрудниками Д. А. Леонтьева (Е. Н. Осин [11] и др.) и И. Н. Семенова [27; 28] (В. Г. Аникина [1] и др.), взаимодействие которых представлено в наших с Ю. А. Репецким исследованиях [17].

Отмечу, что с экзистенциализмом Ж. П. Сартра [22] я познакомился, будучи студентом МГУ, в середине 1960-х гг. на лекциях его ученика, польского философа А. Моравского. Гуманизм и активизм Сартра, его трактовки смысла и рефлексии, экзистенциального сознания и действительного бытия произвели на меня глубокое впечатление. Поэтому в поисках философских оснований конструктивного изучения человеческой активности я обратился (см.: [26]) к психологии деятельности А. Н. Леонтьева, педагогике умственных действий П. Я. Гальперина и философии систем деятельности Г. П. Щедровицкого, ассимилируя весьма далекие друг от друга концепции (наряду с положениями экзистенциализма, феноменологии, философии жизни) в качестве концептуально-методологических средств исследования творческого мышления, далее, построения в 1980—1990-х гг. рефлексивно-гуманитарной психологии творчества с учетом достижений российской науки и культуры в сфере изучения его рефлексивно-смыслового аспекта.

Заключение

Под влиянием рассмотренных философских концепций смысла велось его изучение в зарубежной психологии XX вв. (А. Маслоу, А. Лэнгле, В. Франкл, К. Юнг и др.), а также анализ в отечественной гуманитаристике эпохи Серебряного века [16] (А. Белый, Н. А. Бердяев, В. И. Иванов, В. С. Соловьев, Е. Н. Трубецкой, Г. Г. Шпет,) и советского времени (М. М. Бахтин, Б. В. Зейгарник, А. Н. Леонтьев, А. Ф. Лосев, А. Р. Лурия, М. К. Мамардашвили, В. Н. Мясищев, А. М. Пятигорский, М. М. Рубинштейн, С. Л. Рубинштейн, В. Ф. Сержантов, Г. П. Щедровицкий и др.), что требует специального изучения (как, например, труды основоположника российской психологии смысла М. М. Рубинштейна, издавшего в 1927 г. двухтомник «О смысле жизни» [21]). Плодотворность этого влияния прослеживается в более известных ныне современных исследованиях смысла (Л. И. Анцыферова, А. Г. Асмолов, Ф. В. Бассин, Г. И. Богин, А. А. Бодалев, Б. С. Братусь, А. А. Брудный, Ф. Е. Васильюк, В. П. Зинченко, В. В. Знаков, А. А. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, В. Ф. Петренко, Н. Р. Салихова, А. В. Серый, Е. Б. Старовойтенко, В. Э. Чудновский и др.). Так, на базе конструктивной ассимиляции достижений зарубежной философии и психологии Д. А. Леонтьевым [10] и его коллегами модифицируются конструируются исследовательские и диагностические методики изучения смысла (Е. Н. Осин [11], О. В. Митина и др.), В. Э. Чудновским и его коллегами [31] (Г. А. Вайзер, Н. Л. Карпова и др.) разрабатываются средства его психолого-педагогического развития [17], а также психотерапевтического освоения — в общей персонологии (В. А. Петровский и Е. Б. Старовойтенко [14], И. Н. Семенов [27; 28]) и рефлексивно-смыслового развития — в игре-рефлексике и рефлепрактике акмеологии профессионализма [17 и др.]. В завершение краткого анализа логики развития философии смысла и рефлексии подчеркнем, что в современную переломную, кризисную эпоху необходимым является фундаментальное и прикладное изучение психологии смысла в его взаимосвязи с рефлексией как активностью сознания. Это предполагает ассимиляцию их философских трактовок в качестве концептуально-методологических средств построения теоретических моделей таких сложных для исследования психологических феноменов, как *смысл* и *рефлексия*.

« Позднее мы с С. Ю. Степановым и Г. И. Давыдовой [6; 25] прошли обучение у К. Роджерса [20] техникам экзистенциальной и клиенто_центрированной психотерапии, модифициро_ванным нами в виде психотехнологий рефледиалога и рефлеполилога, рефлексики и игро_рефлексики, обобщенным в современном социокультурном и смысловой контексте [6]. In article the main directions of foreign philosophy in connection with studying in them of sense and a reflection are analyzed. Thus philosophical treatments of sense are explained taking into account works on stories of philosophy also are interpreted as methodological means of its reflexive and psychological studying. The logic of development of philosophical treatments of sense—from analytical semantics and a neo_kantian approach through a hermeneutics, phenomenology, life and culture philosophy to existentia_ism and a personalizm is for the first time considered. In this regard impact of the foreign philosophical thought of the XIX—XX centuries on the sense analysis in the Russian philosophy of the XX century and on its studying in interrelation with a reflection in modern domestic psychology, including in a context of psichologo_akmeological providing a humanization of education is briefly designated.

Keywords: sense, reflection, consciousness, thinking, creativity, existentialism, hermeneutics, phe_nomenology, personalizm, psychology of the personality, methodology.

Литература

1. *Аникина, В. Г.* Исследование экзистенциальной рефлексии в проблемно_конфликтных ситуациях / В. Г. Аникина, Н. А. Коваль, И. Н. Семенов. — Тамбов : ТГУ, 2002.
Anikina, V. G. Issledovanie jekzistencial'noj refleksii v problemno_konfliktnyh situacijah / V. G. Anikina, N. A. Koval', I. N. Semenov. — Tambov : TGU, 2002.
2. *Бергсон, А.* Творческая эволюция / А. Бергсон ; пер. М. Булгакова, перераб. Б. Бычков_ским // Собр. соч. : в 5 т. — 2_е изд. — СПб., 1900. — Т. 1.
Bergson, A. Tvorcheskaja jevoljucija / A. Bergson ; per. M. Bulgakova, pererab. B. Vychkov_skim // Sobr. soch. : v 5 t. — 2_e izd. — SPb., 1900. — T. 1.
3. *Бердяев, Н. А.* Смысл творчества : (Опыт оправдания человека) / Н. А. Бердяев. — М. : Изд_во Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1916. — 358 с.
Berdjaev, N. A. Smysl tvorcestva : (Opyt opravdanija cheloveka) / N. A. Berdjaev. — M. : Izd_vo G. A. Lemana i S. I. Saharova, 1916. — 358 s.
4. *Бердяев, Н. А.* Смысл истории : (Опыт философии человеческой судьбы) / Н. А. Бердяев. — Париж : YMCA_press, 1969. — 269 с.
Berdjaev, N. A. Smysl istorii : (Opyt filosofii chelovecheskoj sud'by) / N. A. Berdjaev. — Pa_rizh : Ymca_press, 1969. — 269 s.
5. *Гуссерль, Э.* Избранные работы / Э. Гуссерль. — М. : Территория будущего, 2005.
Gusserl', Je. Izbrannye raboty / Je. Gusserl'. — M. : Territorija budushhego, 2005.
6. *Давыдова, Г. И.* Рефлексивно_диалогическая психотерапия : экзистенциальная модель раз_вития личности / Г. И. Давыдова, И. Н. Семенов // Мир психологии. — 2006. — № 4. — С. 110—118.
Davydova, G. I. Refleksivno_dialogicheskaja psihoterapija: jekzistencial'naja model' razvi_tija lichnosti / G. I. Davydova, I. N. Semenov // Mir psihologii. — 2006. — № 4. — S. 110—118.
7. *Дильтей, В.* Описательная психология / В. Дильтей. — СПб. : Питер, 1995.
Dil'tej, V. Opisatel'naja psihologija / V. Dil'tej. — SPb. : Piter, 1995.
8. *Дударева, В. Ю.* Феноменология рефлексии и направления ее изучения в современной зарубежной психологии / В. Ю. Дударева, И. Н. Семенов // Психология: журн. Высш. шк. эконо_мики. — 2008. — № 1. — С. 101—120.
Dudareva, V. Ju. Fenomenologija refleksii i napravlenija ee izuchenija v sovremennoj zaru_bezhnoj psihologii / V. Ju. Dudareva, I. N. Semenov // Psihologija : zhurn. Vyssh. shk. jekonomiki. — 2008. — № 1. — S. 101—120.
9. *Кримський, С. Б.* Запити філософських смислів / С. Б. Кримський. — Киев : ПАРА_ПАН, 2003.
10. *Леонтьев, Д. А.* Проблема смысла в современной зарубежной психологии : (обзор) / Д. А. Леонтьев // Современный человек: цели, ценности, идеалы. — М., 1988. — Вып. 1. — С. 73—100.
Leont'ev, D. A. Problema smysla v sovremennoj zarubezhnoj psihologii : (obzor) / D. A. Le_ont'ev // Sovremennij chelovek: celi, cennosti, idealy. — M., 1988. — Vyp. 1. — S. 73—100.
11. *Леонтьев, Д. А.* Методологические и методические вопросы эмпирического изучения диагностики личностного потенциала / Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин // Личностный потенциал: структура и динамика / под ред. Д. А. Леонтьева. — М., 2011. — С. 404—423.
Leont'ev, D. A. Metodologicheskie i metodicheskie voprosy jempiricheskogo izuchenija i diag_nostiki lichnostnogo potenciala / D. A. Leont'ev, E. N. Osin // Lichnostnyj potencial: struktura i dinamika / pod red. D. A. Leont'eva. — M., 2011. — S. 404—423.
12. *Лосев, А. Ф.* Бытие. Имя. Космос / А. Ф. Лосев. — М. : Мысль, 1993.
Losev, A. F. Bytie. Imja. Kosmos / A. F. Losev. — M. : Mysl', 1993.
13. *Мерло-Понти, М.* Феноменология восприятия / М. Мерло_Понти. — СПб. : Ювента : Наука, 1999.
Merlo-Ponti, M. Fenomenologija vosprijatija / M. Merlo_Ponti. — SPb. : Juventa : Nauka, 1999.
14. *Петровский, В. А.* Проблемы общей персонологии / В. А. Петровский, Е. Б. Старовой_тенко // Психология: журн. Высш. шк. экономики. — 2012. — № 4.

- Petrovskij, V. A. Problemy obshhej personologii / V. A. Petrovskij, E. B. Starovojtenko // Psihologija : zhurn. Vyssh. shk. jekonomiki. — 2012. — № 4.*
15. Проблема смысла в науках о человеке (к столетию Виктора Франкла) : матер. междунар. конф. / под ред. Д. А. Леонтьева. — М. : Смысл, 2005.
Problema smysla v naukah o cheloveke (k stoletiju Viktora Frankla) : mater. mezhdunar. konf. / pod red. D. A. Leont'eva. — M. : Smysl, 2005.
16. Религиозно-философская библиотека. — Вып. 20 : Оцели и смысле жизни. — М., 1909.
Religiozno_filosofskaja biblioteka. — Vyp. 20 : O celi i smysle zhizni. — M., 1909.
17. Релецкий, Ю. А. Рефлексия смысла жизни и личностного самоопределения в контексте рефлексивно-инновационного тренинга / Ю. А. Релецкий, И. Н. Семенов, А. Н. Сидорова // Мир психологии. — 2001. — № 2. — С. 177—186.
Repeckij, Ju. A. Refleksija smysla zhizni i lichnostnogo samoopredelenija v kontekste reflek_sivno_innovacionnogo treninga / Ju. A. Repeckij, I. N. Semenov, A. N. Sidorova // Mir psihologii. — 2001. — № 2. — S. 177—186.
18. Рикер, П. Конфликт интерпретаций : Очерки о герменевтике / П. Рикер. — М. : Академия_центр : Медиум, 1995.
Riker, P. Konflikt interpretacij : Oчерki o germenевtike / P. Riker. — M. : Akademija_centr : Medium, 1995.
19. Риккерт, Г. Философия жизни / Г. Риккерт. — Киев : Ника_цент. : Вист_С, 1998.
Rikkert, G. Filosofija zhizni / G. Rikkert. — Kiev : Nika_cent. : Vist_S, 1998.
20. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс. — М. : Прогресс, 1994.
Rodzhers, K. Vzgljad na psihoterapiju. Stanovlenie cheloveka / K. Rodzhers. — M. : Pro_gress, 1994.
21. Рубинштейн, М. М. О смысле жизни : в 2 т. / М. М. Рубинштейн. — М. : Территориябуду_щего : М., 2008.
Rubinshtejn, M. M. O smysle zhizni : v 2 t. / M. M. Rubinshtejn. — M. : Territorija budushhe_go : M., 2008.
22. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. — М. : Республика, 2004.
Sartr, Zh.-P. Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii / Zh._P. Sartr. — M. : Res_publika, 2004.
23. Семенов, И. Н. Вюрцбургская школа. Душа. Индивидуальность. Кюльпе Освальд / И. Н. Семенов // БСЭ. — 3_е изд. — М., 1970—1973.
Semenov, I. N. Vjurburgskaja shkola. Dusha. Individual'nost'. Kjul'pe Osva'd / I. N. Se_menov // BSJe. — 3_e izd. — M., 1970—1973.
24. Семенов, И. Н. Проблемы и принципы построения метода содержательно-смыслового анализа мышления и общения / И. Н. Семенов // Методы исследования мышления и общения в производственной деятельности. — Ярославль, 1989.
Semenov, I. N. Problemy i principy postroenija metoda soderzhatel'no_smyslovogo analiza myshlenija i obshhenija / I. N. Semenov // Metody issledovanija myshlenija i obshhenija v proizvodstvennoj dejatel'nosti. — Jaroslavl', 1989.
25. Семенов, И. Н. Психотерапия Карла Роджерса в интерьере рефлексивной психологии / И. Н. Семенов // Феноменология искренности. — Винница, 2001.
Semenov, I. N. Psihoterapija Karla Rodzhersa v inter'ere reflektivnoj psihologii / I. N. Se_menov // Fenomenologija iskrennosti. — Vinnica, 2001.
26. Семенов, И. Н. Системно-методологическая историко-научная рефлексия как средства прогресса психологии / И. Н. Семенов // Прогресс психологии: критерии и признаки : (Методология, теория, история психологии). — М., 2009. — С. 210—236.
Semenov, I. N. Sistemno_metodologicheskaja i istoriko_nauchnaja refleksija kak sredstva progressa psihologii / I. N. Semenov // Progress psihologii: kriterii i priznaki : (Metodologija, teorija, istorija psihologii). — M., 2009. — S. 210—236.
27. Семенов, И. Н. Экзистенциально-рефлексивный подход к индивидуальности / И. Н. Семенов // Психология индивидуальности : Новые модели и концепции / под ред. Е. Б. Старовой_тенко, В. Д. Шадрикова. — М., 2009. — С. 285—331.
Semenov, I. N. Jekzistencial'no_refleksivnyj podhod k individual'nosti / I. N. Semenov // Psihologija individual'nosti : Novye modeli i koncepcii / pod red. E. B. Starovojtenko, V. D. Shadriko_va. — M., 2009. — S. 285—331.
28. Семенов, И. Н. Экзистенциально-культуральная рефлексия во взаимодействии художественного и научного творчества в эпоху Серебряного века / И. Н. Семенов // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / под ред. Д. В. Ушакова. — М., 2011. — С. 606—624.
Semenov, I. N. Jekzistencial'no_kul'tural'naja refleksija vo vzaimodejstvii hudozhestvenno_go i nauchnogo tvorčestva v jepohu Serebrjanogo veka / I. N. Semenov // Tvorčestvo: ot biologicheskikh osnovanij k social'nym i kul'turnym fenomenam / pod red. D. V. Ushakova. — M., 2011. — S. 606—624.

29. Семенов, И. Н. Методологические проблемы этимологии и типологии рефлексии в психологии и смежных науках / И. Н. Семенов // Психология: журн. Высш. шк. экономики. — 2013. — № 2.
- Semenov, I. N. Metodologicheskie problemy jetimologii i tipologii refleksii v psihologii i smezhnyh naukah / I. N. Semenov // Psihologija : zhurn. Vyssh. shk. jekonomiki. — 2013. — № 2.*
30. Смысл жизни : антология / ред._сост. Н. К. Гаврюшин. — М., 1994.
- Smysl zhizni : antologija / red._sost. N. K. Gavryushin. — M., 1994.*
31. Смысл жизни, акме и профессиональное становление педагога / под ред. В. Э. Чудновского. — М. : ПИ РАО, 2008.
- Smysl zhizni, akme i professional'noe stanovlenie pedagoga / pod red. V. Je. Chudnovskogo. — M. : PI RAO, 2008.*
32. Ссорин, Ю. А. Рефлексивная герменевтика понятия «образ» как социокультурный прототип гуманизации образования / Ю. А. Ссорин, И. Н. Семенов // Инновационная деятельность в образовании. — 1995. — № 2. — С. 40—54.
- Ssorin, Ju. A. Refleksivnaja germenevtika ponjatija «obraz» kak sociokul'turnyj prototip gumanizacii obrazovanija / Ju. A. Ssorin, I. N. Semenov // Innovacionnaja dejatel'nost' v obrazovanii. — 1995. — № 2. — S. 40—54.*
33. Теплов, Б. М. Ум полководца / Б.М. Теплов. — М., 1943.
- Teplov, B. M. Um polkovodca / B.M. Teplov. — M., 1943.*
34. Философия и ценностные формы сознания. — М. : Наука, 1978.
- Filosofija i cennostnye formy soznanija. — M. : Nauka, 1978.*
35. Хайдеггер, М. Время бытия : статьи и выступления / М. Хайдеггер. — М. : Республика, 1997.
- Hajdegger, M. Vremja i bytie : stat'i i vystuplenija / M. Hajdegger. — M. : Respublika, 1997.*
36. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М. : Республика, 1994.
- Jaspers, K. Smysl i naznachenie istorii / K. Jaspers. — M. : Respublika, 1994.*